

К. А. Баршт

**СЕМАНТИКА ПРОФЕССИИ
В ПРОЗЕ ПЛАТОНОВА**

(К вопросу о типологии платоновских персонажей)

Изучая набор профессий, свойственный действующим лицам произведений А. Платонова, и сравнивая его с профессиями, характерными для общественной системы СССР в 1920—1940-е годы, трудно найти какие-либо существенные расхождения — в платоновских текстах обнаруживается список тех же социально-профессиональных форм, какие предлагала историческая реальность тех лет. Этот же набор профессий, за исключением некоторых специфически советских должностей, в целом соответствует и современной Платонову общеевропейской социальной модели. Это в первую очередь рабочий, крестьянин, шофер, грузчик, руководитель (предприятия или стройки), общественный активист, инженер, механик, литейщик, электрик, мелиоратор, солдат, ученый, священник, продавец, кузнец, пастух, сторож, делопроизводитель, ученый, музыкант, геолог, плотник, машинист паровоза, моряк, хирург, строитель, некоторые другие.

Одновременно нельзя не заметить, что профессиональная принадлежность того или иного героя не является у Платонова случайной. Некоторые из названных профессий чаще оказываются связанными с героями-философами Платонова, другие — с их антагонистами, ставящими различные препятствия на их пути к истине. Возможно ли по этому признаку структурировать мир персонажей писателя и какие параметры для создания типологии можно здесь предложить? Выстраивается определенный семантический ряд, принадлежащий системе поэтического языка писателя. Здесь важно учесть структурный принцип, лежащий в основании пространственной конструкции платоновского художественного мира. Речь идет о трехслойной системе, состоящей из:

1) сакрального мира «вещества существования», где живут и действуют платоновские «сокровенные люди»;

2) расположенного вокруг него кольцом и убийственного для этого «вещества» и «сокровенного человека» профанного соци-

ально-общественного мира, где живут и действуют «активисты» и «профуполномоченные»;

3) вечного Космоса, в котором существуют свои законы, не сводимые к разрушительным принципам жизни «мертвой природы», действующим в первой и второй системах.

При этом первая и третья системы стремятся волею человека и «живого вещества» к соединению, однако на их пути в качестве метафизической «стены» стоит социально-общественный мир «мусорной» цивилизации (вторая система), угнетающий Землю и человека, являющийся причиной энтропии и смерти. Одним из существенных отрицательных свойств этого мира является несвобода человека в рамках своей профессии. Параллельно русским романтикам XIX в. и русским символистам конца XIX—начала XX в., для которых Космос («небо», «там») был «своим» и «истинным» пространством, а социально-общественная реальность («низ», «здесь») «чужим» и «ложным», у Платонова желанным, «своим» и истинным для человека оказывается вещество Земли, включая литосферу и биосферу — растения, животных и минералы. Противоестественность отчуждения человека от мира оказывается главной темой творчества Платонова и одновременно главной проблемой бытия человека нового времени. Ведь сам способ морально-онтологической ориентации человека в мире составляет основу формирования его практической деятельности, включая и свойственный той или иной общественной системе набор профессий.

Герой «Сокровенного человека» Фома Пухов, стремясь оторваться от социальной плоскости своего бытия за счет увеличения бытийной «легкости», отказывается от принадлежности к социальной истории и общественно-экономической детерминанты. Он отказывается от участия в «производстве», так как хочет соединиться с природным веществом, а через него — с веществом мира, из которого состоят люди и с которым слиты их тела. Оно связывает людей навечно в противовес временному и непрочному союзу политических партий и общественно-экономических объединений. Легкость Пухова состоит в свободе его выбора, в принципиальной объемности мира, в котором он пребывает. «Я — человек облегченного типа», — объясняет он смысл и принцип своей бытийной установки. Получая плату за работу, Пухов отказывается признавать ценность заработанных денег, потому что в зарплате нет жертвы: «А чем ты бесплатно пожертвовал, чему ты душевно сочувствовал?» (СЧ, с. 36). Человек в рамках своей профессии переживает состояние богооставленности и несущественности, поскольку этой профессией он ограничивает себя. Социальная детерминанта, призванная дать суррогат полноты бытия в виде «удовлетворения потребностей», способна вызвать у героя-философа Платонова острый онтологический кризис. «Сокровенный человек» — художест-

венная дефиниция тяжелого кризиса человека, оказавшегося в ущербном и мертвом мире. Пухов «соображал ... об общей безпризорности огромной порожней земли» (СЧ, с. 65).

Немало места в произведениях Платонова, начиная с самых ранних, занимает описание трагических последствий воздействия профессии на тело и душу человека. Так, например, в статье «Герои труда» (1920), описывая жизнь кузнеца и литейщика, он называет жизненный путь рабочего «длинной черной лентой», или «глистом» (ГТ, с. 113). Подобным образом сформировано представление о судьбе отца писателя, П. Ф. Климентова: «...тянется его жизнь, как нераспутанная нить» (ГТ, с. 113). Трагизм заключается в отчуждении человека от мира, в трате человеком своей «сокровенности», жизненной энергии не на выполнение им своей космической миссии, но на пустяки и незначительные вещи, вдалеке от его истинного пути и предназначения. Отсоединенный от смысла и истины мироздания, П. Ф. Климентов живет «как чужой», и это свойство повторяется в описаниях всех платоновских «героев труда». В этих описаниях видна трагическая двойственность человека, связанного своей профессией: с одной стороны, Платонов восхищается трудовым подвигом, который и есть главное, что может на земле человек, и призывает нас к этому, с другой — праведники и труженики тратят свой творческий ресурс всуе. Поэтому вместо радости творческого труда они переживают ужас несвободы, их жизнь раздвоена: «...будто не ты живешь, а тот упорный дядя, который в тебе» (ГТ, с. 113). Профессиональное сужение возможностей человека, готового к победе жизни над смертью, живой энергии — над косным мертвым «веществом», приводит к трагическим изломам судеб людей, одаренных творческим потенциалом и громадным трудолюбием. Предназначенный для того чтобы вложить свою личную энергию в «вещество существования», — путь спасительный и для человека, и для «вещества» — платоновский мастер-профессионал оказывается заложником существующей системы, которая тратит впустую выработанную им жизненную энергию, уродуя и калеча его самого. Ограниченный рамками профессии, человек находится в губительном состоянии жизненного (энергетического) упадка, теряет антропоморфные черты и гибнет. Иногда — меняет внешность, приспособляясь к своей искажающей его телесный облик профессии.

В качестве одного из предварительных эскизов будущего медведя-кузнеца из романа «Котлован» в очерке «Герои труда» (1920) появляется кузнец Алексей Филатович Неведров. Платонов особо подчеркивает терпеливость и покорность кузнеца, который не выражает протеста против своего положения. Во внешнем облике А.Ф. Неведрова писатель акцентирует внимание на его мироощущении, сходном с мироощущением домашнего животного. Причиной тому — его жизнь, которая уродовала его,

«за двадцать пять лет... сделала темным и терпеливым, торопливым, пугающимся старичком, услужливым и покорным до крайности, до жалости и муки» (ГТ, с. 114—115). Платонов подчеркивает внешнее уродство этого человека и его внутреннюю красоту, высокий профессионализм и сопутствующую ему потерю человеческого образа: «Ему за пятьдесят лет. Он изувечен, без живого места и пять лет ходил горбатым от тяжелых подъемов. Он и сейчас работает на большом паровом молоте в кузнице...», «Он более двадцати пяти лет работает на самой тяжелой кузнечной работе...» (ГТ, с. 114).

Похожую картину мы видим и в описании отца Платонова: Платон Фирсович Климентов «проработал двадцать пять лет, получил грыжу, потерял зрение и почти оглох» (ГТ, с. 115). Красноречивое описание бессознательно-животного состояния человека, запертого в свою профессию, очевидно, еще не готового к выполнению той вселенской работы, которая возложена на него необходимостью борьбы с энтропией, оканчивается мыслью о ряде необратимых изменений самих органических свойств человека: «И Алексей Неведров никогда не знал и не узнает, что он лучше многих умных и нарядных» (ГТ, с. 114). Этот мотив, реализованный в описании П. Ф. Климентова, получил свое выражение в портрете Гопнера в «Чевенгуре». Это еще один человек, меняющий свою органическую природу и физический облик под влиянием тяжелой работы: «Дванов ...с беспокойством пристроился к Гопнеру, пожилому и сухожильному человеку, почти целиком съеденному сорокалетней работой; его нос, скуля и ушные мочки так туго обтянулись кожей, что человека, смотревшего на Гопнера, забирал нервный зуд. Когда Гопнер раздевался в бане, он, наверное, походил на мальчика, но на самом деле Гопнер был стоек, силен и терпелив, как редкий. Долгая работа жадно съедала, и съела, тело Гопнера — осталось то, что и в могиле долго лежит: кость да волос; жизнь его, утрачивая всякие вожделения, подсушенная утюгом труда, сжалась в одно сосредоточенное сознание, которое засветило глаза Гопнера позднею страстью голого ума» (Ч, с. 187).

Другой персонаж статьи «Герои труда» — литейщик Федор Степанович Андрианов. В описании его внешности снова используется тот же прием — это черты искаженного, изуродованного тяжким трудом физического состояния. Поскольку труд — «это битва», рабочий воспринимается как инвалид войны, «потративший» свое тело совсем не на то, что молодой Платонов считал достойным «пролетариата». Он «изувечен и измучен этой битвой», как и его товарищи: «...он глух, весь в ожогах и не ходит, а бродит, и еще давно начал ходить помаленьку, когда был помоложе...» (ГТ, с. 116). Неспособность к нормальной ходьбе и зооморфные черты — два основных параметра «пролетария», который отдал свою энергетику миру. Они затем мно-

гократно повторяются в других произведениях писателя: неспособный ходить, но лишь хромающий или ползающий по земле Лихтенберг («Мусорный ветер»), ползающий (но в вертикальном положении) Жачев из «Котлована», как и «литейщик Андрианов», «истративший половину своего тела», вплоть до его полного исчезновения. Потеря части тела ничего не значит, вопрос о полноте человеческого «я» прямо увязывается лишь с его энергетикой «мысли-любви».

Для Захара Павловича («Чевенгур») земная жизнь есть постоянное и неутомимое мастерское изготовление разных предметов, сознательное применение «категорического императива» его творческой энергии. Общепринятое и трагическое положение человека на земле — это забвение себя в труде, которое оказывается губительным, потому что заставляет его «тратить» драгоценное время, отпущенное на борьбу со смертью, и спасительным, потому что освобождает его от ужаса осознания себя неумолимо гибнущим существом. Этот ужас осознания бессмысленности и бесполезности личного бытия Платонов сравнивает по его губительности для человека со страданиями ассирийских рабов, когда жизнь обращается в навязчивый кошмар (Э, с. 157), «труд поглощает жизнь и освобождает от нее человека... труд похож на сон» (Э, с. 157).

Еще в 1920 году в статье «Будущий Октябрь» Платонов отметил принципиальную несовместимость человека с производством, фактически разрабатывая коллизию, легшую в основу зачина романа «Котлован». Начиная с обсуждения темы сохранения личности в условиях коммунизма, Платонов от сиюминутных вопросов в социально-общественной плоскости переходит к проблеме будущего перерождения и преобразования человечества и планеты Земля. Новое «производство», непосредственно направленное на энергетическое преобразование «вещества», Платонов называет «телом коммунистического общества», характер производства определяет как все целое народа, так и состояние каждого человека в отдельности. Спасти можно только «всем миром», «...труд — главный, решающий, универсальный момент жизни коммунистического общества» (БО, с. 118). Наличие же разнообразных профессий — врожденный и тяжкий недостаток старого способа производства, который заставлял в человеке «работать чужого дядю», отчуждал человека от работы и от жизни. Профессиональные и производственные различия между людьми писатель воспринимает как «зло, временную необходимость» (БО, с. 118—119). «Профессия» и «производство» — эти два зла современного мира — в будущем должны быть преодолены, машина заменит человека на всех тяжелых работах, и его труд станет за счет этого более творческим и свободным. Словами своего героя Високовского («Ювенильное море») Платонов предлагает «ввести скользящую шкалу профессий, чтобы пастух

был обучен строительству и мог быть плотником зимой или еще чем-либо, чтобы человек обнимал своим умением несколько профессий и чередовал их во временах года» (ЮМ, с. 603—604). Поэтому платоновский мастер, перешагнувший через узость своей профессии, имеет три основных свойства: 1) слышать и понимать ритм жизни «вещества», 2) накапливать его для преобразования, 3) вливать в него животворную энергию преобразования. Это впоследствии должно обеспечить преобразование сокровенного «вещества» и его бессмертие. Таков, например, Умирищев в «Ювенильном море»: «Прибывший пешеход участвовал в пролетарском воодушевлении жизни и вместе с лучшими друзьями скапливал посредством творчества и строительства вещество для той радости, которая стоит в высотах нашей истории. Он уже имел, как миллионы прочих, предчувствие всеобщего будущего, предчувствие, наполнявшее его сердце избыточной силой, — он мог чувствовать даже мертвое, даже основную причину землетрясения и вулканических сил...» (ЮМ, с. 544).

В результате должно произойти перерождение самой человеческой природы, преобразование ее существа под влиянием новых форм творческого труда, которые одновременно изменят и сам мир. Производство средств потребления — это искаженное неверным подходом производство, ведущее к напрасному героизму «героев труда» и разрушению планеты. В будущем, настаивает Платонов, само производство резко изменит свой характер, из «грубого производства» становясь «тонким производством», т. е. совершится *«переход человека в высшие сферы жизни из сферы материального (а может быть, и «духовного») производства (курсив мой. — К. Б.)»* (БО, с. 119). Человек сможет остаться чистым творцом, и совершится преобразование его плоти не назад, к животному, но вперед, к вечному новому человеку.

По Платонову, действительность — это не просто человек в мире или конструкция типа «человек и мир», но необходимое вещественное диалогическое соотношение мира и человека, взаимно заинтересованных друг в друге. Как особым образом структурированная часть «вещества существования» человек не может быть противопоставлен остальному «веществу», на чем основана нынешняя, убийственная для бытия, модель цивилизации. Поэтому институт профессии как таковой глубоко враждебен писателю как фактор отделения человека от истины. Платоновский художественный мир структурирован по оси «обручения человека с землею». Существуют некоторые профессии, которые все-таки ближе к типу «обручения», чем другие, — например, профессии кузнеца, электротехника, литейщика и землекопа. Исходя из этой смысловой доминанты, можно построить модель профессии в художественном мире Платонова с тремя основными этапами возрастания от менее ценной к более ценной: 1) профессия,

не связанная с космическим предназначением человека, отвлекающая от его роли в мироздании, 2) профессиональная работа, каким-то образом связанная с выполнением этой роли, промежуточное состояние, которое лучше описывается словосочетанием «род деятельности», 3) отсутствие профессии (идеальное состояние преобразенного человека «Будущего Октября»). Принцип разделения, таким образом, не лежит в рамках социального кода «престижной» или «непрестижной» профессии. Род занятий человека оказывается мало связан с социальными параметрами (условия труда, заработная плата, возможность карьеры). Платоновских героев-философов этот момент не интересует или интересует мало. Профессии оказываются распадающимися на два противоположных типа: «обручающие» с землей или навевающие «мусорный ветер» энтропии, гибельный для «вещества существования».

Вполне в логике Просвещения положение человека в мироздании осмыслено писателем как неправильное, на этом, правда, сходство с Просвещением кончается: выход из конфликта у Платонова возможен не по пути «просвещения» и «исправления нравов», но с помощью преодоления замыкающих человека в несвободу свойств времени и пространства. Герой Платонова находится внутри социального мира и вынужден подчиняться его законам, но саморазвивающийся Логос «вещества существования» вступает в противоречие с выработанным человеком культурным пространством и его хозяйственно-экономическими нормами. Прекрасная и романтическая идея «ноосферы» Вернадского превращается у Платонова в тяжкую работу и, может быть, самую трудную задачу человеческой Истории, требующую решения на морально-религиозном и на практическом уровне.

Один из важнейших сюжетообразующих мотивов в произведениях Платонова, во многом опирающийся и на личный опыт писателя, это мотив отказа человека служить производственным или общественным структурам, связанным с «пищевой» жизнью человечества. Описанная в «историческом материализме» Маркса производственно-потребительская модель европейской цивилизации окончательно завела человечество в тупик. Осознав это, герои Платонова уходят с «производства», навсегда порывая и с цивилизацией. Проблема, лежащая в основании конфликта платоновского праведника с обществом, была описана еще в публицистических текстах писателя начала 1920-х годов, где намечены контуры свойственной позднему Платонову типологии характеров, когда праведник и искатель истины противостоят впадающему в животное состояние обывателю, упивающемуся «благами цивилизации».

Приход Вошева к строителям котлована противоположен по смыслу уходу Козлова от них, уходу от перспективы вечного бытия в очевидное небытие смерти, ассоциирующейся с социаль-

но-общественной активностью: «Козлов... безмолвно отошел в высшую общественную жизнь» (К, с. 157). В «Записной книжке» Платонова за 1930 год дана схема сюжета романа «Котлован»: изображен четырехугольник, по углам которого расположены с направленными в верхний правый угол стрелками четыре линии движения героев романа — «Климентова» (Чиклина), Прушевского, Вощева, Козлова и Пашкина (ЗК, 3, с. 38), причем первые три имеют векторы сближения в одну точку, начиная с трех разных позиций, Пашкин устойчиво находится за пределами «Котлована», а Козлов, уходящий за его пределы, помечен стрелкой, выходящей к той точке, где сближаются линии жизни трех главных героев повести.

Идеологически обоснованное увольнение Вощева («Котлован») с фабрики перекликается с «фельетоном о стервецах» «Душа человека — неприличное животное» (1921). В первом разделе фельетона воспроизводится диалог между двумя коммунистами. Первый из них отказывается от должностей и уходит к товарищам, «домой», «в цех». Если его истинным «домом» оказывается заводской цех, то «домом» другого, сосредоточенного на производстве-потреблении, — «клозет». Если один воплощает собой стремление к истине, то другой — «пищеварительную философию». Соответственно у этих двух людей разное душевное состояние: у одного — спокойный отказ от неясных целей во имя свободного поиска истины, соборные идеалы жизни, у другого — одиночество и неистовое стремление «взорвать мир без определенной цели, без программы и политики, а ради самих себя, ради своей страсти к невозможному...» (ДЧ, с. 164). В «Котловане» этот эскиз обратился в противостояние Вощева, ушедшего с производства во имя поиска истины, и Активиста, ревностно и жестко реализующего волю Линии, который «спит и обедает в клозете жизни — своей душе» (ДЧ, с. 164). Этот же мотив мы видим в основании сюжета «Счастливой Москвы», где главная героиня инстинктивно уходит от общественных структур, навязывающих ей тот ложный путь, на котором гибнет планета и все человечество: «Из школы Москва впоследствии сбегала. Ее вернули снова через год и стыдили на общем собрании, что она как дочь революции поступает недисциплинированно и неэтично» (СМ, с. 8).

В «Чевенгуре» описывается дурная бесконечность воспроизводства «средств потребления» как основной механизм смерти: «Если же остаться работать навсегда, то этому занятию не будет ни конца, ни улучшения. Гопнер работает без отказа уже двадцать пять лет, однако это не ведет к личной пользе жизни — продолжается одно и то же, только зря портится время» (Ч, с. 247). Мотив отрицания института профессии как одного из главных зол современной новой истории есть и в рассказе «Лунная бомба», где герой отмечает: «Одинаковые рожи бес-

сменного технического персонала ... сознательно считавших себя атомами человеческого знания. Самый частый разговор, слышанный Эрной, это слова сослуживца Мерца: „Мы живем для того, чтобы знать” (ЛБ, с. 41). Позже в записных тетрадях Платонова возникает подобного типа «химический человек, начиненный всеми веществами науки» (ЗК, 8, с. 102). Сегодняшняя индустриальная цивилизация — одно из проявлений онтологической «стены», которая отделяет время от вечности, поэтому должно совершиться «изгнание человека оттуда навсегда», как напишет Платонов в 1920 году в статье «Будущий Октябрь» (БО, с. 119).

Вощев в «Котловане» — первая ласточка этого исторически оправданного «изгнания», и потому он становится пророком нового отношения человека к труду как к сакральному прямому взаимодействию пластичного живого человека с пластичным и живым «веществом существования». Он задумывается над «вековечным вопросом», не желая работать ради механического продолжения исторического процесса и потому уходит с производства. В котловане он встречает производство нового типа, онтологически оправданное соборное действие, где преобразование человека совершается в унисон с преобразованием «вещества мироздания». В «Будущем Октябре» писатель создает эскиз производственно-экологической конструкции, которая получила свое выражение в художественной структуре его произведений.

«Новый Октябрь» ознаменуется принципиальным и необходимым освобождением человечества от труда, глубоким телесным и интеллектуальным преобразованием, в котором человек освободится от профессии так же, как он сейчас освобождается от социального класса. Детерминанта социального мира содержит в качестве одной из своих «линий» «производство», осмысленное в статье как оканчивающийся ничем «отрезок дороги, по которой мы идем и идем» (БО, с. 120). Этот путь по плоскости может быть прекращен с помощью выхода в «ту высшую сферу жизни», которая поможет преодолеть ограниченность человеческого существа во времени и пространстве, спасти его от гибели. Основное направление пути преобразования человека и человечества — это в первую очередь «освободить производство на земле» (БО, с. 120). В результате возникнет высшая форма отношения человека к миру, которая проложит путь к единению биологической и минеральной форм «вещества» («высококультурное производство»). В конце концов создание новой энергетической культуры приведет человечество к формированию ноосферы, «вытолкнув человека из производства».

Проблема свободы человека ставится здесь Платоновым в новом ракурсе, оказываясь связанной не только с волей или необходимостью, но с принципом отношения между телом и духом,

присущего тому или иному человеку. Свободный человек, по Платонову, это человек, избавленный от смерти, а значит, тем самым и от профессии, пола, времени и ограниченного, замкнутого пространства. Переворачивая марксистский тезис о том, что свобода — это осознанная необходимость, Платонов формулирует: «Закон мировой необходимости — закон мировой свободы» (ЗК, 1,19), поэтому «свобода — вот причина мира (космоса и гражданского состояния)» (ЗК, 1, 21).

Род деятельности, который позволит вывести человека из его профессиональной ограниченности, — энергетическое земледелие, названное самим писателем «душой человека» (ДСИТ, с. 61), помогающее ему противостоять смерти. Процесс изменения онтологии «вещества» «стал смыслом вселенной» потому, что стал «смыслом человека» (ДСИТ, с. 61). Труд, сформированный помимо предлагаемой обществом системы профессиональной ориентации, направленный непосредственно к «веществу существования», оказывается формой бытия, поэтому платоновский человек — «человек трудящийся». В творческом труде, преодолевающим узость ограниченного пространства и времени, находится основание «свободы и непобедимости» человека (ДСИТ, с. 61). Важно, что в этой переделке природы, опираясь на землю, человек не нарушает законов мироздания, не навязывает миру свои уставы: «...он не насилует ее, а приспосабливается к ней» (ОН, с. 53). Его задача — поднятие жизненного потенциала «вещества» с помощью изменения свойств умирающей материи мира; с помощью изменения физических свойств и конструкции Земли космические силы могут быть перенаправлены на победу жизни над смертью. «Познав мертвую мощь мировых сил, человек направляет их, не в силах изменить прямо, против других враждебных сил — и так подчиняет, косвенно изменяет, побеждает» (ОН, с. 53). «Наука», таким образом, сливается с «трудом» постольку, поскольку наука — это осмысленный труд: «Труд, терпение и надежда подготовили торжество для человека, вывели его из смерти бездн темной природы, из жадных охватов смерти, ничтожества и гибели» (СИЛ, с. 65—66). Путь к спасению человечества лежит через труд, освященный наукой борьбы со смертью, — «подвиг», «всепобеждающий и освобождающий», — он «преобразователь жизни» (СИЛ, с. 66). С помощью преобразования материала Земли становится возможно и преобразование человека. Это основано на признании того факта, что все предметы, живые существа и вещи состоят из единого материала «живого вещества» и делятся на два типа: одни служат человеку для переделки природы, другие выражают природу. Функция человека, каким его замыслило Мироздание, помогать Земле выжить. В статье «Великий работник» (1923) Платонов говорит не только о том, что человек должен обслуживать и налаживать землю как устройство, совершенно беспомощное

без такого рода сервисной поддержки (подобно тому как в депо мастера постоянно ремонтируют паровозы). Работа на земле — это ее качественная «переделка» и «реконструкция планеты», считает писатель, однако не для улучшения «бытовых условий» человека, но для вывода ее на новый, более совершенный уровень онтологической организации. Эта мысль реализована затем в «Ювенильном море»: «Вермо понял, насколько мог, столпов революции: их мысль — это большевистский расчет на максимального героического человека масс, приведенного в героизм историческим бедствием, — на человека, который истощенной рукой задушил вооруженную буржуазию в семнадцатом году и теперь творит сооружение социализма в скудной стране, беря первичное вещество для него из своего тела. Эта идея неслышно растворена в книгах, прочитанных Вермо ночью, — потому что ее нельзя услышать мелким сердцем индивидуалиста или буржуя» (ЮМ, с. 609).

Такое специфическое земледелие в произведениях Платонова носит характер жизненного императива, своего рода универсального средства спасения от бесполезности существования в горе, пустоте быта, скуке профессии, в умирании. В «Чевенгуре» Кирей борется с несчастьями с помощью «траты тела на рытье земли»: «Кирей почувствовал в себе слабость тела от грусти, словно он увидел конец своей жизни, но постепенно превозмог эту тягость посредством траты тела на рытье земли» (Ч, с. 377). Эта работа не имеет географического адреса, она направлена непосредственно к истине, которая не имеет места и времени, но совпадает со всей Вселенной. Герои работают непосредственно с вечным материалом «вещества» и в безбрежном поле космического Времени, «не помня времени и места» (К, с. 138). Функция в составе какого-то производства оказывается в художественном мире Платонова замененной космической функцией человека, так или иначе работающего для преодоления энтропии и смерти и избегающего при этом мертвых тисков «производства». Такого рода замена — основа сюжета «Котлована», «Джана», других произведений. Человек, работающий в рамках «производства», работает не «впрок» мирозданию, а герой-философ писателя ищет способ применить свои жизненные силы на пользу «веществу жизни».

Поэтому «электротехник» в повести «Впрок» — это не столько профессия в обычном смысле слова, сколько выражение функциональной связи между человеком и «веществом существования». Это человек, работающий для восстановления потерянной энергетики Земли, т. е. самый нужный и важный человек на планете, и красноармеец в поезде предлагает герою повести «Впрок» носить специальную кокарду, оповещающую о том, что он «энергетик». Первые шаги к построению вещественно-энергетической ноосферы должны совершаться энциклопеди-

чески образованным новым Адамом, который будет сочетать в себе свойства всех профессий и умений, но мысль которого будет направлена на организацию правильного энергетического обмена между частями «вещества», включая, конечно, и тела людей. Речь идет о сознательном и адекватном изменении свойств окружающего пространства, лепке «вещества», за счет чего изменятся и его энергетические свойства. Эта универсальная «специальность» (род деятельности) у Платонова именуется по-разному: «физик космических пространств», «мастер», «машинист», «кузнец», «гончар», «землекоп», «электрик», «энергетик», каждый раз обозначая человека, занятого перераспределением живого вещества — энергии Земли и энергии мысли-любви, свойственной телу человека. С наличием такой «профессиональной ориентации» связаны исключительные этические свойства и идеальные характеры платоновских «мастеров» — «кузнецов», «литейщиков» и «землекопов».

Человек в этой парадигме оказывается самоуправляемым генератором и «аккумулятором» жизненной бытийной энергии, которая легко может истощиться — в условиях отключения от Космоса или тотального падения космической энергетики (возможно, и по его вине). В поздних произведениях Платонова сохраняется мысль его ранних статей: «Вся вселенная есть, точно говоря, резервуар, аккумулятор электрической энергии, так как вселенная прежде всего пространство, а пространство прежде всего электромагнитное переменное поле» (СИС, с. 178). Поэтому с помощью «ликвидации» или уничтожения чего-либо нельзя добиться положительного прибавления жизни на земле. Главный источник «тепла» (жизни) находится в толще земли, ее живой плоти, именно там герои Платонова ищут истину, надеясь, что «природа нам что-нибудь покажет внизу» (К, с. 137). В «Потомках Солнца» Платонов описал мысль как форму материи или форму космической энергии, заложенной в центре «вещества» земли: «...прокаленная мысль, тверже и материальнее материи, чтобы постигнуть мир, спустится в самые бездны его» (ПС, с. 36). Строя здесь модель энергетической гармонии человека и мироздания, писатель обращает внимание на вектор творческих усилий, направленный, как и в «Котловане», не вверх, а вниз: «...давно никто не смотрел на небо — все взгляды опустились в землю, все руки были заняты» (ПС, с. 32). Процесс преобразования Земли описан как мысль, вонзившаяся в материю (ПС, с. 33), и как «лепка новой формы».¹

В новой европейской истории люди чаще всего занимаются переводом своей бытийной энергии в вещественно-утилитарные

¹ Вероятно, влияние «тектологии» А. Богданова («начать свою работу над окружающим, внечеловеческим миром»). См. об этом: *Малыгина Н. М. Эстетика Андрея Платонова. Иркутск, 1985.*

формы, например в металлические детали автомобильного мотора, который фактически оказывается «могилой-памятником» человеческим жизням, затраченным на создание этого технического устройства. Лихтенберг («Мусорный ветер») постигает внутренний смысл двух памятников, воплощающих две силы, противоборствующие в этом мире:

1) энергетически бесплодный, шумный и крикливый, агрессивный и тупой, не способный ни производить, ни хранить энергию бытия класс обывателей, которые «шагают в рядах государственной охраны» и

2) «пролетариат», «молчаливый и могучий», накапливающий и отдающий другим энергию, каждый «в день по сто лошадиных сил» (МВ, с. 299), которой его лишают «праздные» люди, и способный предохранить мир от окончательного «истощения» и «утомления».

Памятником первому становится бюст их лидера, Адольфа Гитлера, памятником второму — автомобиль, на котором этот памятник привезли. Если первый воспринимается им как «полутело»² и некий языческий символ смерти и уничтожения, то второй оказывается все той же «братской могилой», в которую обращается энергия надорванного непосильной работой пролетариата и которую мы видим и в «Котловане». «Лихтенберг прислонился лицом к машине, как к погибшему братству; сквозь щели радиатора он увидел могильную тьму механизма, в его теснинах заблудилось человечество и пало мертвым...» (МВ, с. 299). Гибель человечества лежит на пути истощения сил Земли в производстве механизмов, которые будут служить не делу преобразования мира, но удовлетворению растущих чувственных удовольствий обывателя.³ Энергия бытия человеческого существа превращается в машину, переходит в ее плоть. Поэтому труд — форма существования энергии «пролетариата», который пытается осмыслить переход жизни человека в машину как физико-химический процесс. Об этом говорится в романе «Чевенгур»: «Захар Павлович много наслаждался одной постоянной мыслью: какой дорогой подспудная кровная сила человека обьявляется вдруг в волнующих машинах, которые больше мастерово-

² «Полутело» из «Мусорного ветра» трактовано также как реализация римско-католической атрибутики в рамках сталинского террора: Дебюзер Л. Альберт Лихтенберг в «мусорной яме истории»: (О литературном и политическом подтексте рассказа «Мусорный ветер») // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М., 1995. Вып. 2. С. 244—245.

³ Здесь можно наблюдать аллюзию на Салтыкова-Щедрина («Сказка о том, как один мужик двух генералов прокормил») — «Один убогий труженик содержал десять человек торжествующих господ» (МВ, с. 299).

вых и по размеру и по смыслу» (Ч, с. 55). Трагедия в том, что Лихтенбергу приходится проклинать оба памятника — и «могилу пролетариата», автомобиль, и бюст Гитлера, нанося каждому по два символических удара. Возникает специфическая символика: на автомобиль, «братскую могилу пролетариата», приходится один удар тростью и другой — «головой с равнозначной силой о тот же радиатор», а Гитлеру достается два удара тростью, причем она ломается. Ценностный фактор здесь проявляется по-разному: в первом случае на «братскую могилу пролетариата» приходится два посягательства: одно со стороны не спасшего его от унижения и гибели интеллектуала, а второе — со стороны обывателя, но стараниями все того же интеллектуала. Во втором случае — вся энергия сопротивления исходит только от интеллектуала — платоновского праведника. Речь идет о всемирном процессе нарастания «мусорности», энтропии, резкого падения энергетики Земли. Мусорная эпоха в жизни человечества характеризуется созданием гор предметов, которые фактически не нужны человеку, образуя мусор, прах, набор бесполезных форм. «Население все погибнет от экономически безрезультатного труда, а горы продуктов, одежды, машин и снарядов останутся на месте человечества, вместо могильного холма и памятника» (ЗК, 8, с. 103—104).

Платонов не только не собирается превращать человека в «машину», как считают некоторые исследователи его творчества, но, напротив, хотел бы, чтобы всю тяжелую работу на земле выполняли роботы. В «Сокровенном человеке» главный герой повести Фома Пухов высказывает идею производственного цикла, основанного на роботах-конвейерах, своего рода «машинах для труда»: «Хоть бы автомат выдумали какой-нибудь: до чего мне трудящимся быть надоело! — рассуждал Фома Егорович, упаковывая в мешок пищу: хлеб и пшено» (СЧ, с. 24). Мотив уничтожения труда ради освобождения человека встречается во многих текстах писателя.

В своей статье «Будущий Октябрь» Платонов делает первый шаг к формированию идеологической системы, ставшей основанием для художественной формы многих произведений, где есть «фанатики» и настоящие преобразователи жизни, идущие навстречу «новому Октябрю», который должен заменить или по крайней мере завершить не удовлетворяющий писателя «старый Октябрь». Истинная цель истории по Платонову — преображенный новый человек на преображенной новой Земле, но вовсе не улучшенные формы производства или более удобные бытовые условия жизни человека. До тех пор пока человек участвует в производстве, он идет к гибели в мире обыденной истории, поэтому необходимо отдать: «производство — машине, человеку же — иную форму жизни». Путь к этой иной форме жизни — коренное преобразование пространства и строи-

тельство новой «культуры разума». Этот специфический «коммунизм» Платонова — новый онтологический статус «вещества», преодолевшего свое смертно-ограниченное состояние. «Стратилат делал коммунизм, а сделал другой мир .., другой мир истории, другую категорию, которая могла объективно выйти, выйти из развороченных форм прошлого... нечто исторически-прекраснее, неожиданное, неизвестное и действительно необходимое и простое» (ЗК, 8, с. 110).

Техники-мастера Платонова обычно не связаны определенной профессией, обладают универсальным творческим характером. Они — ренессансные люди с большим набором умений и знаний, среди которых выделяется умение формировать и направлять в нужное русло энергию Мироздания. Таков Николай Вермо из «Ювенильного моря»: «инженер-электрик сильных токов товарищ Николай Вермо, который окончил, кроме того, музтехникум по классу народных инструментов, дотоле же он был ряд лет слесарем, часовым механиком, шофером и еще кое-чем, в порядке опробования профессий, что указывало на безысходную энергию тела этого человека, а теперь он мчится в действительность, заряженный природным талантом и политехническим образованием» (ЮМ, с. 539). Энергетический Апокалипсис, описанный в целом ряде произведений Платонова, объясняется исчезновением с планеты Земля людей-мастеров, спасающих силой своей мысли и своего «ручного труда» планету и весь мир от гибели.

Существуют, правда, трактовки творчества Платонова, в которых писатель оказывается фанатически убежденным технократом: «Выстраивая свой проект переоборудования Земли, Платонов делает ставку на технику не только в плане ее способности ... заменять руки человека... его интересует процесс... технизации человеческого сознания».⁴ Перестановка акцентов с цели на средства, недооценка «энергетического принципа» Платонова приводит к утверждениям: «Техническая трансмутация... по сути, уподобление Человека Машине и станет тем рычагом, при помощи которого можно изменить вселенную».⁵ Однако человеческая индивидуальность для Платонова — естественна и актуальна для Вселенной, без которой ей никак не обойтись, скорее, наоборот — можно было бы сказать об уподоблении машины человеку, примеров такого одушевления машин в произведениях писателя множество. На самом деле отношения человека и машины обретают сакральный характер, в силу того что человек вдыхает жизнь (увеличивает жизненный потенциал) в тех-

⁴ Хрящева Н. П. «Кипящая вселенная» А. Платонова : (Динамика образотворения и миропостижения в сочинениях 20-х годов). Екатеринбург; Стерлитамак, 1998. С. 50.

⁵ Там же.

ническое устройство, в любую вещь, вкладывая в них свою энергию. Поэтому «летчик в воздухе один с машиной, как монах, как святой техники» (ЗК, 12, с. 155).

Платонов считал все сущее (включая машины) живым и потому зависимым от внутреннего «сокровенного» вектора развития онтологически живого вещества мироздания. Человек, конечно, имеет важную внутреннюю функцию в структуре многообразных форм и проявлений вещества-энергии, но сам он находится не вне, а внутри вещества, поэтому его творческая активность — прямое выражение этих внутренних свойств «сокровенного» вещества. Если человек плохо несет возложенную на него космическую функцию, он может исчезнуть и взамен него появятся новые формы жизни как энергетической активности «вещества мироздания». Любая машина, начиная со столь любимого платоновскими героями паровоза, может быть осмыслена как такое же соединение вещества и энергии, самодеятельное и обладающее своим путем в Мироздании. Поэтому старый машинист в «Чевенгуре» «отлично знал, что машины живут и движутся скорее по своему желанию, чем от ума и умения людей: люди здесь ни при чем. Наоборот, доброта природы, энергии и металла портят людей. Любой холуй может огонь в топке зажечь, но паровоз поедет сам, а холуй — только груз. И если дальше техника так податливо пойдет, то люди от своих сомнительных успехов вырождаются в ржавчину, — тогда их останется передавить работоспособными паровозами и дать машине волю на свете» (Ч, с. 53). Весьма сомнительно утверждение Н. П. Хрящевой, что Платонов был сторонником замены живого сознания человека мертвым интеллектуальным ресурсом, чуждым индивидуальности.⁶ Идея о человеке-машине, иногда приписываемая Платонову, встречает иронический ответ писателя в сюжете о «гуманисте», который в «Институте смазочных масел» «открыл электрический способ облагораживания характеров людей» (ЗК, 17, с. 209).

Описание форм жизненных проявлений чевенгурцев представляет собой список основных позиций человека в пределах цивилизации — это позиция в государственной машине, робкие поиски своего места во Вселенной, попытка уверовать в Бога, переживание жизни как приближающейся смерти, диалог с ближним своим и попытка ужиться с существующим вокруг общественно-политическим окружением: «...ключевая служба в тюрьме, ожидание истины жизни, нетерпение к богу, смертельное старчество, чтение вслух странникам и сочувствие Советской власти» (Ч, с. 210). Таким образом, можно жить во временном состоянии, не выходя из него и ограничивая свою природу

⁶ Там же.

одним циклом превращения (рождение—жизнь—смерть), с сопутствующей этой модели нравственной и онтологической недостаточностью, а можно жить и в вечном состоянии, где путь человека укладывается, по мере его возможностей, не в один цикл, но в длинную цепочку циклов — чем длиннее, тем лучше.

Мироздание целенаправленно принимает ту или иную форму, каждый раз в виде той или иной модели культуры. Человек — культуротворческое существо, самая жизнь которого отливается в модель определенной культуры. Высшая цель человека и человечества — благо — невозможно в рамках ограниченного времени существования человека. Два типа блага выделяет Платонов: 1) это индивидуальное («личное») и сиюминутное благо (деньги) и 2) всеобщее и вечное благо, связанное с преодолением ограниченного «сегодняшнего» человека. Стремление к деньгам Платонов называет основной линией развития человечества, называя это «линией наименьшего сопротивления» (КП, с. 100). Это благо «легко достижимое» и непрочное. Для реализации первого блага нужно развитие животных качеств в человеке. Для реализации второго блага нужны качества всеобщие, истинно человеческие, нужна работа сознания и подвижнический труд. Люди перепутали и решили наслаждаться «небесным блаженством» прямо на земле — это самая тяжелая ошибка человечества. «Многие погибли на этой дороге, но кое-кто и добрался до „неба земли“ — богатства, уединился там и начал наращивать свои силы» (КП, с. 100). Своей жизнью человек может распорядиться по одной из двух названных моделей: как личным достоянием, истратив его на наслаждения, отдав себя на растерзание своей «профессии», или как общим, не своим достоянием, принадлежащим всему миру.

Согласно этой логике, человеку на этой земле суждены три пути: 1) жизнь в свое удовольствие, оканчивающаяся безысходной и бесплодной гибелью (Пашкин и его жена); 2) созерцание, подготавливающее человека к верному пониманию своей цели и задачи, лежащей в направлении, противоположном «производственной» истории человечества (Вошев, который «задумался» посреди «производства»); 3) переделка мира в рамках увеличения его энергетической емкости и точности соответствия «вещества», носителя мысли (телесного человека) всей остальной энерго-вещественной основе Вселенной. Основные события, совершающиеся в сюжете «Котлована», связаны с переходами с первого на второй путь (уход Вошева с «производства»), со второго на третий (участие в строительстве котлована) или уход с третьего на первый путь (выход Козлова из котлованной общины в «общественную жизнь»). Главная коллизия этого уходящего от производства «бредущего созерцателя» (К, с. 272) — это выбор между первым и вторым путями, в результате чего он обычно выбирает третий. Общество требует от него участия в «произ-

водстве», в то время как он ищет решения вопроса в Космосе и чаще всего находит некую трудовую форму, в которой реализует при внешней видимости «социалистического производства» свой реальный прорыв к вечности. Для преобразования человека нужны методы «замены производственных систем» (МК, с. 121), причем Платонов прямо намекает, что ему известно, как именно это нужно делать: «...пути эти уже есть, уже найдены, и в них надо ввести только поправки, какие укажет практика» (МК, с. 121). Мысль о том, что человеческий организм похож на аккумулятор, который заряжается энергией, а затем расходует ее — на дело или просто так — встречается в статье «Выключенные дни» (1920). Нормальное состояние человека нового типа — иметь «огромную жажду полного труда» (ВД, с. 125). Платонов вовсе не считает человека машиной для труда, поскольку человек и производство — «два враждебных, в сущности, явления» (ВД, с. 125), однако спасение человечества — в гармонии между физиологией человека и формами его практического труда.

Однако крепость этико-социальных связей между людьми в составе человечества вызывает у писателя серьезные сомнения: «удерживание» людьми друг друга, основанное на сексе, социальной зависимости или внешних органических признаках («красота», телесная «цельность» или национально-расовые особенности), не может быть связью прочной и полноценной, потому что не выражает всей полноты бытийных ресурсов вещества. В этом смысле замечателен диалог автора-повествователя «Первого Ивана» с киргизом-электриком, который говорит, что он «электрик Гюли, а был киргиз» (ПИ, с. 262). Разворачивающееся далее обсуждение вопроса о том, кто же лучше — «электрик» или «киргиз», — выявляет, что Гюли — предтеча человека будущего, преодолевшего свою национальность как устаревший тип опосредованной связи с «веществом жизни» (через формы национальной культуры) и сейчас вступившего в прямой контакт с ним посредством электричества, обретая «культуру заряженного света». Он формулирует телеологию борьбы с энтропией, объясняющую бытийную задачу человека: «...электрик сильнее пустыни, а киргиз — нет» (ПИ, с. 262). В то же время, пророчествует Гюли, «всякий киргиз будет электрик и механик» (ПИ, с. 262), когда к энергетической основе человека вернется ее былая сила, а пока что человек «живет на льду» (ПИ, с. 262), обозначая близкий к нулю уровень энергетической заряженности Земли. На этом пути органическая природа человеческого тела — новый смысл бытия «комочка вещества» в составе Космоса — придает ему совершенно новые формы и новые, небывалые свойства.

Платоновская концепция человека и истории, развернутая в «Котловане» и «Чевенгуре», подтверждается прямыми высказыва-

ваниями писателя на этот счет. Человек формируется как частица «вещества», активная по отношению к пространству и времени, его телесная природа прямо выражает то соотношение между ними, которое свойственно актуальному бытию человека. Живое и очеловеченное пространство есть природа, живое и очеловеченное время есть история рода людского. Платонову было присуще ощущение, что пространство и время, природа и история — это не две грани человеческого бытия, но одно целое, которое предстает по-разному в зависимости от свойственной человеку бытийной точки: «Но человечество живет не в пространстве—природе и не в истории—времени—будущем, а в той точке меж ними, на которой время формируется в пространство, из истории делается природа».⁷ Человек «внешний» безраздельно принадлежит и пространству, и времени, он находится в страдательном залоге по отношению к ним. Однако человек внутренний, «сокровенный», находится вне пространства и времени, он живет за их пределами, соприкасаясь с ними только через свою телесную оболочку, которую считает единственно ценным и автономным субъектом мироздания.

Частные поступки человека лишь указывают «отметки» и показывают направление, в котором идет все человечество, но само направление человеческой истории — правильное соединение человека с землей, «и, выполняясь, оно способно занять жизнь человеческую трудом на всем ее протяжении».⁸ Такого рода героями, оправдывающими своим трудом существование человечества, оказываются бригада строителей котлована, создатель лунной бомбы физик Лихтенберг, герои «Чевенгура»: «И выходило действительно так, как говорил машинист-наставник: в труде каждый человек превышает себя — делает изделия лучше и долговечней своего житейского значения» (Ч, с. 56). Еще один «физик космических пространств» и архитектор земли, в дополнение к героям «Чевенгура», Лихтенбергу «Мусорного ветерана» и Прушевскому из «Котлована», — человек, который переустраивает землю, так как он «геометр и городской землеустроитель, закончил тщательный план новой жилой улицы, рассчитав места зеленых насаждений, детских площадок и районного стадиона. Он предвкушал близкое будущее и работал с сердцебиением счастья, к себе же самому, как рожденному при капитализме, был равнодушен» (СМ, с. 10).

Впервые эта концепция «превышения себя» в труде встречается в статье «Да святится имя твое» (1920), где Платонов фор-

⁷ Цит. по: Корниенко Н. В. История текста и биография А. П. Платонова (1926—1946) // Здесь и теперь. 1993. № 1. С. 51.

⁸ Розанов В. Цель человеческой жизни // Смысл жизни в русской философии. СПб., 1995. С. 216.

мирует свое понимание истории, являющей собой борьбу неэнтропического трудового вложения себя человеком в землю и нарастающей смертной силы. Обратим внимание на то, что первые люди, по Платонову, были сделаны из материала с низким энергетическим потенциалом — из глины. Первые люди, Адам и Ева, были «великанами из глины», «с распухающими животами» (ДСИТ, с. 60). В силу слабой энергетической заряженности в прошлом «Земля плохо двигалась», и потому созданный из ее вещества первый человек «стал достойным сыном своей матери — окаменел и замер», что явилось началом его «долговременного рабства» в плену у смерти (ДСИТ, с. 60). Начало пути человека к вечности и реабилитации (оправданию) относится к моменту, когда он осознал неминуемую «гибель и смерть» — «вечные спутники человеческого испуга и бессилия» (ДСИТ, с. 60). В свою концепцию истории Платонов включает Христа, которого он трактует как первого человека на земле, который осознал гибельность энтропии и призвал на борьбу с ней. Главная задача человека на этом пути — победить время с помощью преобразования пространства: «...сильнейший из детей земли, силою своей уверенности и радости ... остановил бешеный поток времени, хоронящего человека на века под пленую своей» (ДСИТ, с. 60—61). С этого момента, считает Платонов, и начинается новый период в жизни человечества. «Человек рванулся и заработал», он начал осваивать темные и смертельные силы, которые гнетут его. Главным инструментом для победы над смертью стал труд. «Человек и труд овладели друг другом» (ДСИТ, с. 61).

Важно и то, что для устойчивой связи со Вселенной человек должен подойти к ней «не как поэт и философ, а как рабочий» (ПС, с. 36). Эта цитата из «Детей Солнца» кажется комментарием к роману «Котлован». Стремление к «работе» над материей — основной вектор развития мысли Вогулова и строителей котлована. Рабочие «Котлована» — это и есть новый мессия, преображающий мир. «Пролетариат» — это не профессия или социальный класс, но определенная модель мироотношения, свойственная выходцам из любого социального слоя, это тип людей, обладающих ясно выраженным стремлением к «благу и жизни» (АИК, с. 127). В «Мусорном ветре» такого рода «пролетариатом» оказываются четыре героя: «физик космических пространств» Лихтенберг, молодая коммунистка Ядвига Вотман, товарищ Лихтенберга в концентрационном лагере и дерево на городской улице, с которым беседует главный герой. «Капиталом» же оказываются все остальные — нацисты, судьи в концлагере, его жена Зельда, полицейский, который поедает мясо из тела Лихтенберга, предназначенное для спасения женщины с умершими детьми. Поскольку «благо» и «жизнь» — принципиально одно, ясно, что речь идет о совершенной форме жизни, ко-

торая, конечно, не может быть случайной и временной, оканчиваясь ничем. Отсюда начинаются проблески вопроса о бессмертии, или, лучше, вопроса о способах оправдания человека в его контакте с миром, придания его положению в мире вечного и абсолютного характера. В основании бытия этого типа людей лежит сознательное участие в вещественно-энергетическом обмене человека и окружающего его «вещества». Модель «буржуазная» — это высасывание и бездумная трата энергии мироздания в течение нескольких десятков лет, отпущенных смертному человеку новой истории. Модель часто упоминающегося у Платонова «гада» (или «полугада») — сознательная трата энергии мироздания с целью довести мир до гибели. В основании модели пролетариата — земельная троица, смысл которой сводится к схеме: из земли человек вышел, на земле живет в биологической форме, в землю уходит. Поэтому в краткий миг между рождением и смертью он обязан сделать осмысленный поступок по отношению к земле. «Пролетариат вышел из самой гущи, из самого кипятка человеческой жизни на земле: он сам был главным огнем, от которого кипела и расширялась эта жизнь» (БМ, с. 91).

«Пролетарий» Платонова — это не безответственный рабочий без средств производства, но, напротив, ответственный за всю Землю мастер, это человек, испытывающий состояние должностования по отношению к миру. Герои Платонова — подвижники, должны выполнить работу по преобразованию Земли в более жизнотворную форму, чем та, которую случайно создала «мертвая природа». Это напоминает ситуацию, когда есть прекрасные семена, но еще не подготовлена для посева почва. В сущности, телеология Платонова обращена именно к проблеме такого рода подготовки. Если вектор жизни, обращенный к точке истины, меняется, то меняется и род деятельности, причем копание-размышление — это один тип деятельности в двух формах, которые принципиально не могут идти параллельно. Настоящее «слово истины» вырабатывается в труде. Человек физического труда — естественный, природный философ, и его философия более прочная и основательная, чем у кабинетных мыслителей, считает писатель. «Будучи тружеником, он знает, сколько надо претворить, испытать и пережить действительности, чтобы произошла настоящая мысль и народилось точное, истинное слово» (ПНТ, с. 8). Строители котлована — это новая, настоящая интеллигенция, о которой мечтал Платонов, интеллигенция, «вышедшая из людей физического труда» (ПИГ, с. 49), свободная от плоских умозрительных схем, тяжеловесной учености, обветшалых идеологических штампов. «Интеллигенция» Платонова — совершенно особое понятие, которое далеко отходит от историко-культурной концепции Г. Федотова, от Н. Бердяева и авторов «Вех». Для Платонова был важен

человек вне зависимости от уровня образования, ставящий во-прос морально-духовного бытия в основание своей реальной профессиональной деятельности. Отсюда становится ясно, почему у Платонова «интеллигенций много» — «интеллигенций столько же, сколько классов» (ПИГ, с. 49).

Условные сокращения текстов А. Платонова

- АИК — Анархисты и коммунисты (1920) // Платонов А. Чутье правды. М., 1990.
- БМ — Борьба мозгов (1920) // Платонов А. Чутье правды. М., 1990.
- БО — Будущий Октябрь (1921) // Платонов А. Чутье правды. М., 1990.
- ВД — Выключенные дни (1920) // Платонов А. Чутье правды. М., 1990.
- ГТ — Герои труда (1921) // Платонов А. Чутье правды. М., 1990.
- ДСИТ — Да святится Имя Твое (1920) // Платонов А. Чутье правды. М., 1990.
- ДЧ — Душа человека — неприличное животное (1920) // Платонов А. Чутье правды. М., 1990.
- ЗК — Записные книжки. Материалы к биографии. М., 2000 (номер после букв «ЗК» обозначает номер «Записной книжки» Платонова; ЗРЛ — записи разных лет).
- К — Котлован (1930) // Платонов А. Повести и рассказы. 1928—1934. М., 1988.
- КП — Культура пролетариата (1929) // Платонов А. Чутье правды. М., 1990.
- ЛБ — Лунная бомба (1926) // Платонов А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1985. Т. 1.
- МВ — Мусорный ветер (1933—1934) // Платонов А. Повести. Рассказы. Из писем. Воронеж, 1982.
- МК — Мастер-коммунист (1920) // Платонов А. Чутье правды. М., 1990.
- ОН — О науке (1920) // Платонов А. Чутье правды. М., 1990.
- ПИ — Первый Иван: Заметки о техническом творчестве трудящихся людей (1930) // Платонов А. Чутье правды. М., 1990.
- ПИГ — Пушкин и Горький (1937) // Платонов А. Размышления читателя. М., 1980.
- ПНТ — Пушкин — наш товарищ (1937) // Платонов А. Размышления читателя. М., 1980.
- ПС — Потомки Солнца (Сатана мысли) (1922) // Платонов А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1985. Т. 3.
- РЭ — Родина электричества (1926) // Платонов А. Повести. Рассказы. Из писем. Воронеж, 1982.
- СИЛ — Сила Сил (1920) // Платонов А. Чутье правды. М., 1990.
- СИС — Свет и социализм (1922) // Платонов А. Чутье правды. М., 1990.

- СМ — Счастливая Москва (1933—1934) // Платонов А. Счастливая Москва : Повести. Рассказы. Лирика. М., 1999.
- СЧ — Сокровенный человек (1926) // Платонов А. Счастливая Москва : Повести. Рассказы. Лирика. М., 1999.
- Ч — Чевенгур (1927—1929) // Платонов А. Чевенгур. М., 1988.
- Э — Электрификация (Общие вопросы) (1921) // Платонов А. Чутье правды. М., 1990.
- ЮМ — Ювенильное море (1931—1932) // Платонов А. Чевенгур : Роман и повести. М., 1989.